

18+

ЭСФИРЬ КОБЛЕР

От рассвета до заката

РАССКАЗЫ

Эсфирь Коблер

От рассвета до заката. Рассказы

«Издательские решения»

Коблер Э.

От рассвета до заката. Рассказы / Э. Коблер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854142-1

В этой книге собраны небольшие лирические рассказы. «Ещё в раннем детстве, в деревенском моём детстве, я поняла, что можно разговаривать с деревьями, перекликаться с птицами, говорить с облаками. В самые тяжёлые минуты жизни уходила я к ним, к тому неживому, что было для меня самым живым. И теперь, когда душа моя выжжена, только к небу, деревьям и цветам могу обращаться я на равных — они поймут». Книга издана при поддержке Министерства культуры РФ и Московского союза литераторов.

ISBN 978-5-44-854142-1

© Коблер Э.
© Издательские решения

Содержание

От рассвета до заката	6
В Хайфе над морем	7
В одном классе...	8
Кризис, который всегда со мной...	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

От рассвета до заката

Рассказы

Эсфирь Коблер

© Эсфирь Коблер, 2018

ISBN 978-5-4485-4142-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От рассвета до заката Стихотворение в прозе

Ещё в раннем детстве, в деревенском моём детстве, я поняла, что можно разговаривать с деревьями, перекликаться с птицами, говорить с облаками. В самые тяжёлые минуты жизни уходила я к ним, к тому неживому, что было для меня самым живым. И теперь, когда душа моя выжжена, только к небу, деревьям и цветам могу обращаться я на равных – они поймут.

По обыкновению людей старых или совсем измученных и больных, я часто сижу у окна и наблюдаю за ритмом неба, природы. С книгой, с компьютером ли, но сижу у окна и смотрю. Необыкновенная, как всё в природе, красота поражает меня своей периодичной изменчивостью.

Летом рано-рано вспыхивает заря – яркая, розовая, пронизанная ещё тёмными облаками, но и золотистыми нитями, разгорается, охватывает всё небо, а потом как-то сразу – жаркое солнце. Начинается долгий летний день. Солнце почти не уходит с неба. Часто после дождя раскрывается во всей своей красоте двойная круговая радуга. И всё это над моей головой, в моём дворе. Почти у меня дома.

Летом луна приходит ненадолго. Проходит небольшой круг и исчезает. Летом торжествуют звёзды. В русской литературе, обратите внимание, в отличие от европейской, ночное небо – это звёзды летом. Луна только зимой. Хотя, казалось бы, и зимой в чистом морозном небе сияют звёзды. Но луна зимой долгая, всю длинную зимнюю ночь. Она не просто заглядывает мне в окно, она заходит в комнату, мешает спать.

Сидя у окна, я вновь научилась встречать рассвет, читать летом по лёгким голубовато-пепельным облакам, слушать музыку звёзд, чувствовать притяжение луны.

Я с новой силой ощутила: Земля – Божий сад, а всё живое – Его цветы. Только мы, люди, – однодневки. Пришла моя пора смириться с этим.

В Хайфе над морем *Стихотворение в прозе*

Снилось мне.

В Хайфе над морем на вершине горы – а весь город – это горы и спуски к морю, – на вершине горы стоит беседка в китайском стиле. Лёгкая, с остроконечной крышей, как соломенная вьетнамская шляпа, она вся вырезана из дерева и покрашена в золотой цвет. Только два дракона, украшающие крышу, выкрашены в красный, ярко-красный цвет, а скамьи, полукругом вписанные в беседку, полированы, как натуральное дерево. Если знать, как мало в Израиле дерева, как странно выглядит беседка в китайском стиле в Хайфе над морем, то понятно, что она уникальна.

Мы, я и мой друг, сидим в беседке, читаем друг другу какие-то листки, записки, редактуру; спорим, разговариваем и дышим этим прозрачным воздухом в Хайфе у моря. Я не знаю, что мы пишем и о чём говорим, но мы очень счастливы в Хайфе у моря. Потом он встаёт и говорит:

– Надо смести листья с дорожки.

Мы спускаемся с вершины по асфальтированной дорожке чуть ниже к берегу, и он железной метлой разметает почти российские опавшие огромные золотые и красные листья клёна, но сметает их так, чтобы они ложились вдоль дорожки, образуя красочный ковёр.

Потом мы останавливаемся под японской сосной, которая чуть выше нас и растёт не ввысь, а вширь, раскинув свои ветви с зелёными иглами над нашими головами. Мы стоим под японской сосной в Хайфе у моря. Он опирается на свою железную метлу, а я на его руку, и мы смотрим вдаль. Смотрим туда, где синее безмятежное море сливается с голубым безмятежным небом. Мы наслаждаемся воздухом, красотой, покоем. Мы счастливы в Хайфе у моря. Мы единое целое в этой красоте.

Стоя под японской сосной в Хайфе у моря, наслаждаясь красотой, мы понимаем: красота не спасёт мир, но она спасёт нас, спасёт нас любовью.

В одном классе...

Володя Тучков учился со мной в одном классе... Нет.

Я и Володя Тучков учились в одном классе. Опять не так.

С известным писателем Володей Тучковым мы учились в одном классе.

Вернее, учились вместе с седьмого класса. Двух девочек, отличницу и умницу Лизу, мою подружку, и меня перевели в параллельный класс для «усиления успеваемости». Мы недолго переживали. В классе нас встретили с таким радушием, что оставалось только радоваться неожиданным переменам в судьбе. Особенную симпатию выказывали нам ребята с водокачки. Девочки в основном.

Надо сказать, что в классе, как и во всей школе, было три категории учеников. Водокачка – это место, где начинался старинный Екатерининский водопровод и откуда вода долгое время подавалась в Кремль, так была она хороша. Там проживали братья Тучковы, двоюродные – Борис и Владимир, Толик Гершман и несколько девочек, очень славных и умненьких. Затем были дети из посёлка Тайнинка, жившие в частных домах. В основном это старые частные дома, в двадцатые-тридцатые годы построенные евреями, к коим принадлежала и моя семья. Между двумя станциями – Тайнинской и Перловской – ещё до революции стояла синагога, которая тихо умерла во времена моей юности, когда евреи стали уезжать. Теперь на месте евреев живут азербайджанцы и чеченцы.

И третья категория учеников – дети рабочих бараков. Кроме Лизы, дружила я больше всего с девочками из бараков. Они жили очень тяжело, но так хотели вырваться из нищеты, так много занимались, да и Господь не обделил их умом и красотой. И красотой душевной тоже. Они вырвались из бараков и многого достигли.

Но вот о Володе. Мы друг на друга не обращали внимания все годы учёбы. Почему-то когда весь класс собирался у меня, мальчиков с водокачки не было. Да и в школе мы не общались.

Предметом моего интереса был исключительно Толик Гершман. Высокий, яркий, умный. Многие девочки вздыхали по нему. Я не была в него влюблена, но очень ему симпатизировала, а он даже не смотрел на меня. Он был, наверное, класса с восьмого влюблён в первую красавицу школы – она училась в том классе, откуда меня перевели, – Нину Солдатенко. Статная, и как говорят, «черноброва, черноглаза, кровь с молоком». Ей бы Аксинью в «Тихом Доне» играть. Разве я, серая мышка, ей соперница?! Толик долго ухаживал за ней и как ухаживал! Тогда появилась песня «Миллион алых роз». Однажды весной Толик Гершман купил сотни алых роз и ранним утром разбросал их под окном своей красавицы. Кажется, она осталась равнодушной.

Хорошо помню этот свежий яркий, весь сияющий «голубым и зелёным» весенний день. Он запомнился мне по другим, личным причинам. Но дополненный рассказом о столь красивой любви, он стал для меня ещё ярче.

Учился Толик легко, свободно, даже красиво. Он просто мгновенно схватывал всё, что объясняли в школе, домашними заданиями голову себе не морочил. К сожалению, судьба Толика Гершмана сложилась грустно. Вместо института пошёл в мясники, спился и рано умер. Есть категория еврейских мальчиков, которые хотят быть «как все», начинают отчаянно пить, особенно в божественной среде, и быстро умирают. Гены не те. Я знала только одного такого мальчика, который состоялся как поэт, писатель и певец и прожил вполне до срока среднестатистического российского мужчины. Это замечательный бард, поэт, прозаик, переводчик Марик Фрейдкин. Пил он феноменально. Мог выпить один две-три бутылки водки, оставаясь совершенно трезвым, а потом всех пьяных развозил по домам. Но, правда, и умер он от цирроза печени.

О судьбе Толика Гершмана читайте маленький рассказ Володи Тучкова.

А вот с Володей Тучковым мы с интересом посмотрели друг на друга только два раза за все совместно прожитые в школе годы. И эти два раза я хорошо помню.

Надо несколько слов сказать о нашей школе и нашей учёбе. Школа была хорошая, преподаватели замечательные. Володя Тучков занятиями себя не обременял. Так – то тройка, то четвёрка. Лень ему было время тратить. А ещё он писал сочинения и решал контрольные «за себя и за того парня». Из двух братьев один был умный, другой младший... Поэтому помню только один раз, когда преподаватель литературы, Лия Давыдовна, пришла в восторг от его сочинения на тему «Войны и мира». Кто ж мог знать тогда, что Тучков в своём Лесотехническом институте пройдёт весь курс моего университетского филфака!

Я же была старательная девочка. А чего стараться было, когда все уроки делала за час – и гуляй. Не тут-то было! Один предмет под названием МАТЕМАТИКА был моим мучением. Не помогали ни дополнительные занятия с педагогами, ни «труд упорный». Над задачками и примерами сидела я по пять-шесть часов. Для обозначения идиотизма в русском языке есть масса выражений: дубинноголовая, здравствуй, дерево, маразм крепчал, кретинизм не лечится и многое другое. Всё это относилось ко мне, когда речь шла о математике. С пятого по восьмой класс, пока математику вела прекрасный педагог Вера Георгиевна Стрелкова, которую мы боялись как солдаты командира, но которая даже такому дебилу, как я, могла объяснить любую теорему. Теорему-то я понимала, но решить... всё, что касалось математики, вызывало ужас.

Вот с этим моим идиотизмом и был связан тот единственный случай, когда Володя Тучков посмотрел на меня. Надо рассказать, как мы сидели в классе, чтобы всё стало понятно. Мы с Лизой всегда сидели в среднем ряду за последней партой. На всех уроках удобно было подсказывать с последней парты, а на математике можно было попытаться скрыться от Веры Георгиевны. Володя с Борей сидели в правом ряду, первом от двери, в самой середине.

Начальный урок геометрии был, кажется, в седьмом классе. То, что мои внуки изучают в старшей группе детского сада, мы познавали достаточно поздно. Все помнят? Две параллельные прямые на плоскости не пересекутся никогда. Да? А как же моё буйное воображение? Я мысленно продлила эти две прямые в бесконечность и увидела, что пространство изгибается, а прямые пересекаются. Я ничего не могла с собой поделать. Видела так. И всё тут. Скрылась под парту, чтобы Вера Георгиевна не спросила. Но она спросила.

– Фира, что тут непонятного?

Я встала, слезы текли из глаз, от страха, конечно. Но я сказала:

– Вера Георгиевна! Если продлить линии в бесконечность, они изогнутся и пересекутся.

– Ты что, высшую математику читала? – удивлённо спросила Вера Георгиевна.

– Ничего я не читала, я так вижу! – сказала я, совсем уж рыдая.

Вот тут-то в первый и последний раз Володя Тучков повернулся ко мне всем телом и посмотрел с нескрываемым интересом. Я особенно это запомнила. Уж очень яркая была реакция.

А вот я Володю Тучкова запомнила по ещё более анекдотичному случаю.

Шёл первый урок. Математика. Средняя парта в крайне правом ряду ближе к двери была пуста. Вера Георгиевна бросала гневные взгляды. Если один из Тучковых заболел, то где второй? Прогуливают? Гром и молнии так и прорывались во время объяснения. Вдруг на середине урока открылась дверь, и вошли братья Тучковы.

Тихим грозным голосом Вера Георгиевна спросила:

– Ну, и где вы были?

И тут Володя Тучков впервые изложил «устное эссе».

Дело в том, что если не успеть на специальный автобус, который утром развозил людей с водокачки на работу, то ребятам надо было идти через небольшой перелесок, а потом через огромное заболоченное поле, где пролегла дорога, потом пересечь Ярославское шоссе и вдоль барачков идти в школу.

Дело было весной. Это территория Лосиног острова. У лосей начинается гон. И Володя изложил следующую версию.

– Мы опоздали на автобус. Пошли пешком. А навстречу лось с огромными рогами. Мы кинулись на столбы. Залезли мгновенно и не могли слезть, пока он не ушёл. Простите нас.

Класс замер.

Но Вера Георгиевна сделала вид, что поверила.

Вот тогда я с нескрываемым интересом посмотрела на Володю Тучкова как барда и поэта!

Господа! Кто-нибудь из хилой интеллигенции видел лося, когда у него ветвятся рога, и когда он грозный и злой? Он спокойно подомнёт и среднюю берёзу, и большую ель. А со столба скинуть двух школяров с тяжёлыми сумками – раз плюнуть. Я не поверила. А вы?

По-моему, это было начало бурной творческой деятельности Владимира Тучкова. Хорошее начало.

Кризис, который всегда со мной...

Кризис. В России кризис!

В начале декабря 2014 года прохлаждалась я в тёплых странах. Небо голубое, воздух плюс 25, море плюс 22... Спокойно (на тот момент), красиво. А с родной стороны крики: падение рубля, продукты дорожают, кризис.

– Вот, – говорю окружающим, – уехали из одной страны, а приедем в другую.

Вернулась. Пошла в магазин. Ну, продукты на треть подорожали. Вздохнула. Любимая гречка вместо 30 рублей стоит 50 рубликов. Пик взвинчивания уже прошёл. Народ без всякой паники покупает всё, что считает нужным, к Новому году. Смотрю в тележку старушки, такая типичная старушка «с кошёлочкой». Пакет молока, батон хлеба, дорогущее оливковое масло израильское и две банки красной икры с Камчатки. Вот тебе, бабушка, и кризис!

В интернете ходит анекдот: «До чего Путин страну довёл! Раньше скупали в кризис спички и мыло, а теперь – квартиры и дорогие машины».

Ну, думаю, дудки. Не проведёте. Открываю сайт городка под Москвой, где теперь живу. Читаю слёзный призыв: «Дорогие покупатели! Звоните, прежде чем ехать к нам за новой квартирой! Квартиры уходят очень быстро. Узнавайте цены по телефону! Узнавайте, не продана ли ещё квартира, которая вам понравилась!»

Кризис. В России кризис!

Далее сообщение от автодилеров. Господа! Все дорогие иномарки проданы! Покупайте продукцию АвтоВАЗа. Там, кажется, ещё что-то осталось.

Вот незадача! Оказывается, анекдот правдив!

Звоню своей школьной подруге. За одной партой пять лет сидели. Надо сказать, что человек она не бедный. У неё на две семьи – она с мужем и семья сына – четыре квартиры, три машины, две дачи. Ну, положим, у неё с мужем дача вся в резных кружевах и цветах – всё своими руками. А вот у сына на соседнем участке замок в три этажа с теннисным кортом, бассейном, своей картинной галереей...

Звоню, значит, и спрашиваю – что, как.

Подружка – преподаватель менеджмента и экономики – говорит, что вот большой холодильник забит всякими заморозками, вареньями, соленьями собственного изготовления, а большой шкаф на кухне – килограммов по десять всякой крупы и макарон.

– Лиза, – спрашиваю я, – тебе зачем? Деньги есть – пошла и купила.

– Пусть будет, – говорит моя практичная подруга, – есть всегда хочется, а машинами сыт не будешь.

Кризис. В России кризис!

Ну, может быть, что-то в культурных проектах изменилось? Вроде нет.

Отшумел конкурс «Большая опера», а на смену – конкурс имени Муслима Магомаева, а потом конкурс Елены Образцовой, а потом «Большой балет». По разным городам прокатились поэтические фестивали, литературные конкурсы.

С литературой всё понятно. Кто за – получает премии здесь. Кто против – получает гранты там. Надеюсь, что их всех скоро забудут, а читать будут ещё одного моего одноклассника – Володю Тучкова. Он всё пишет и пишет и всё лучше и лучше...

Кризис. В России кризис!

Новый год по стране шумит и гремит так, что земля дрожит. Тут читаю. В новогодний праздник корреспонденты CNN были поражены оптимизмом россиян. Они, то есть CNN, на Красной площади народ спрашивают – чего веселитесь? Ведь кризис. А народ им в ответ: «Ничего. Переживём!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.